

ПРИЗОВИ НА ПОМОЩЬ

ЛЮДЕЙ С СЕРДЦЕМ

У меня перед глазами стоп-кадр тридцатипятилетней давности. По проспекту Metallургов идет девчушка: пышная корона светлых волос, ситцевый сарафанчик на ней — словно шикарное платье от Кардена. Ее вокруг не угнетают ни скромный достаток в семье, ни жизнь в коммуналке.

Нина Вдовина, секретарь комсомольской организации третьего детского медобъединения, стояла у порога взрослой жизни, и каждый ее шаг был знаком полного доверия к судьбе. Разве могла она в том, насыщенном наивными мечтами пространстве-времени вообразить, какие яростно-горькие расставания ей предстоит, сколько раз в натруженном кулачке она будет сжимать горсть земли, каким громом будет отдаваться в ушах звук последнего прощания....

Нет уже никого на земле: ни родителей, ни мужа, ни братьев. Многих востребовал к себе иной мир, непонятный и грозный. Она одна радостно детей, отказывая себе в самой малости.

Работая в медицине, Нина Григорьевна ежедневно имеет дело с тяжелыми проявлениями болезни. Смерть для людей ее профессии — понятие не относительное. Говорят, смерть ходит за человеком всю жизнь и приглядывает за его делами, а когда приближается слишком близко, можно увидеть ее сигнальные огни, только мы по своей курьезной слепоте их не замечаем.

На этот раз беспощадная гостья склонилась к изголовью любимого сына Димы и недвусмысленно предупредила: я здесь, время пошло. Пять недель Дима пролежал без сознания в отделении реанимации, как говорят врачи, «в загрузке». Наученная горьким опытом потерь мать приняла вызов. Она не плакалась о своем

МНОГОСЕРДНЕ

горе, не теряла времени, она действовала. Часто передавало просьбу о помощи радио «Люкс», подключились телевидение и газеты. Почти двести человек сдали кровь для ее сына. Все возможное и невозможное сделали хирурги медсанчасти ОАО «ММК» Сергей Тихонович Кулаков и Сергей Яковлевич Захаров. Ничего не упустить, помочь — такова была первая реакция главврача Марины Викторовны Шеметовой.... Да разве назовешь всех, кто помогал матери в сражении со смертью? Пусть простят они меня за это и знают: Нина Григорьевна всех помнит и чтит.

Смерть остановилась, помедлила и... погасила огни. Иногда говорят, что человек, попавший в трудные обстоятельства, сам виноват — чуть ли не в прошлых жизнях провинился.

— Я думаю, что в людях, которые так говорят, слишком много гордыни, — отвечает на это Нина Григорьевна. — Они важничают и считают себя лучше других. Их поведение и слова — из страха самим оказаться в таком же положении. На самом же деле надо прислушаться к собственному сердцу и призвать на помощь людей с сердцем. Это выражение я понимаю так: любовь в действии. И теперь знаю: мне есть на кого опереться. В последнее время все хвалит меня: мол, выстояла и сына спасла. А ведь и он был мужественен, мой большой мальчик, и он не сдался, вызвал силу внутреннюю, и она охранила его. Это и его победа.

Алла КОРЧАК.

С Днем матери!

Я хочу пожелать женщине-матери здоровья и счастья, терпения и сил, радости и любви, удачи и достатка.

Марина ШЕМЕТОВА,
депутат городского Собрания по округу № 8.

Поздравляю всех женщин с Днем матери!
Побольше вам ласки и любви от своих детей!

Игорь ВИЕР,
депутат городского Собрания.

БЕСПРЕДЕЛ

Мой отец, Александр Михайлович Воробьев — бывший знатный сталевар, награжденный орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

В войну он варил сталь для «катюш», и, по его рассказам, сам директор завода Григорий Иванович Носов проходил у него практику. Вообще их, знатных мастеров, видно, много приехало из Белоречья еще в 1929 году. Помню только двоих: Велюженца и Гришину — друзей отца. Еще до войны они приходили к нам в гости: в нарядных косоворотках, подвязанные кушаками, всегда веселые, шумные.

У наших родителей было десять детей, но двое близняшек умерли в 37-м от кори. Жили мы в комнате на Шитовых: до войны — бедно, но весело, в войну — трудно и голодно. Особенно тяжело было в 41-42-м годах. Кроме картошек на питание, никаких продовольственных запасов у нас не было. Помню, как мама моя, Афанасья Михайловна, делила хлеб: старшим детям — поменьше, младшим и отцу — побольше. У отца, говорила она, тяжелая работа, а младшим еще расти надо. Ей самой ничего не оставалось. Мы с братом порой насильно вталкивали ей кусочки в рот. Понятно, что иногда мама падала в голодные обмороки и ее приносили домой на руках чужие люди.

Однажды она упала в обморок в магазине. В этот момент рядом случайно оказался председатель плодоягодного колхоза Иван Иванович Шнайдер. Он спросил у людей: что с женщиной? Ему объяснили, что это — многодетная мать, потому у нее такие обмороки бывают часто.

Через некоторое время пришла повозка: Иван Иванович пригласил маму вместе с детьми работать в колхоз. Папа остался в городе, а нас на санях повезли в колхоз. Остановились мы в землянке на краю деревни, рядом с дорогой и оврагом. Стало темнеть, а электричества в землянке нет, пол земляной, изгороди вокруг — никакой. Мы все в один голос взревели, стали проситься назад, в город. Мама стала нас уговаривать: потерпите, я сейчас молочка принесу. И ушла — наверное, к председателю.

Мой старший брат, ему тогда было лет 12, был находчивый и смекалистый мальчик. Он позвал нас в овраг собирать сухую полынь. Мы забыли о слезах и с радостью начали таскать в дом охапки полыни. Притащили огромную кучу — почти до потолка — и давали в ней кувыряться. Пыль столбом, горечь во рту — до сих пор помню этот необычный привкус. Потом брат затопил печь. Дверца была открытой, и огонь весело потрескивал, от него яркими звездочками разлетались семена полыни. Поднятая нами полынная пыль светящимся столбом вилась до самого потолка....

Вскоре пришла мама, принесла ведро молока, крупы, поставила на печку котел и сварила вкусную кашу. Наевшись, мы сладко уснули.

Землянка была маленькой, в ней стояло две железные койки, и потому улеглись мы по трое.

И началась наша колхозная жизнь. Днем мама работала на зернотоке, а вечером ста-

рожила зерно. Поэтому встречались мы с ней, когда она отращивалась постирать белье, или сами прибегали к ней на работу.

Основные домашние дела — нянчить младших — легли на меня. А самой мне было только семь лет. Мама все приготавливала, расскажет мне, как сварить, а дальше уж я сама управлялась. До печи я не доставала, поэтому отец сделал скамеечку-приступку, чтобы я могла дотягиваться до кастрюль. Уже взрослым нам мама рассказывала, что на работе только и думала, как бы мы не обожглись и не сгорели....

Двенадцатилетний брат тоже работал подпаском да еще объезжал лошадей для войны....

Летом и осенью было посылить: собирали шампиньоны, клубнику, шавель, колоски. Были у нас самодельные жернова, на которых мы

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ детства

молотили собранное зерно. Весной, когда сходил снег, собирали мороженный картофель и пекли из него блины — без масла, прямо на плите, но какими же вкусными они были.

Чтобы выжить, бегали на базар и продавали в бутылках холодную воду. Торговые тетеньки кричали: «Девочка, неси попить!» Бутылка стоила 20 копеек. Мы метеором «летали» за водой и за день продавали столько, что хватало на еду самим, да еще и домой кое-что приносили.

После войны отцу дали в кредит дом на правом берегу. Только успел за него расплатиться — и вскоре умер.

Помню, привезли нас смотреть усадьбу. Ключи еще не дали, и мы бегали вокруг, заглядывали в окна, радовались. Огород большой, дом крепкий — строили его пленные немцы.

На правый берег переехали окончательно в 1947 году. Всегда наш дом был полон ребят и девочек — наших друзей. Бывало, соберемся на

кухне: родители спят, а мы дверь закроем и шушукаемся допоздна....

Жили по-прежнему бедно. Но брат у нас был такой комик, умел так преподать совершенно не смешные истории, что мы постоянно смеялись. Может, потому те далекие годы оставили в моем сердце ощущение счастья — и это несмотря на голод, войну, нелегкий труд, на все тяготы и невзгоды.

Сейчас я живу далеко от Магнитогорска. Первый раз уехала из дома после десятого класса — учиться в институте. После третьего курса брала годичный отпуск и работала на заводе, научила своей профессии сестренку. А потом вновь уехала, как говорили тогда, «по зову партии и правительства» — в Сибирь. К тому времени смерть выкосила всю нашу семью: в 65-м один за другим умерли три брата, еще через два года — брат и две сестры. Остался в Магнитке последний брат. И я не возвращалась, потому что хотела, чтобы брат в родительском доме был счастлив. Но, видно, в этом была моя ошибка.

Сгубили брата профессия, друзья и богатые люди. Он был уникальным специалистом: электрик, телемастер, механик, слесарь — мог отремонтировать, заставить заработать, как новый, любой механизм. И его приглашали со всех сторон. Денег он просить не смел, и с ним расплачивались бутылками. В результате он стал алкоголиком. Ну, а алкоголикам жить нигде не дают, особенно в таком доме.

Соседка, Вера Петровна, прислала мне письмо: «Валя, Тольку громил, разбил двери, выбили стекла, в доме все разбросали, все искорежили, а на кухне выбили не только стекла, но и рамы. Тольки дома нет, он совсем не показывается, никто не знает, где он. Может, его убили и увезли куда-нибудь. Приезжай скорее и делай что-нибудь, а пока мы по-соседски за домом присматриваем....»

Ехать сразу мне было не на что: все доходы — пенсия. А когда приехала и нашла брата, он рассказал, что покупателя ему нашел один из соседей. Сначала брат не соглашался, но его поили водкой и уговаривали. Начали оформлять документы. Но однажды, протрезвившись, понял, что не хочет расставаться с родительским гнездом:

— Если я уеду отсюда, я умру....

И тогда его начали громить....

Поймите, я не жалею и не прошу о помощи — понимаю, все напрасно. Не к кому звать. Наше государство ясно дает нам понять: спасайся кто как может. Вот и приходится спрашивать с домом детства. Бог судит тем, кто разгромил наш дом. Нет, видно, у них никакого сердца — вместо него слиток холодного золота. Что ж, такая сейчас жестокая волчьей жизни. Таким, как мы, неприиспособленным к ней, приходится отходить в сторону.

Но знаете, что больше всего меня в этой истории потрясает? Что строили дом для нас пленные немцы, бывшие эсэсовцы, а разгромили наше семейное гнездо и морально уничтожают.... русские. «Новые» русские.

Валентина ВОРОБЬЕВА.

VIP КОМПЬЮТЕР
ВЕК НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ГОРЯЧО!

Право на жестокость

Консультант телефона доверия в очередной раз поднимает

трубку. На другом конце провода — печальный женский голос:

— У меня угнетенное состояние: плохо складываются отношения с мужем. Уж и не знаю, стоит ли их налаживать или лучше развестись.

— Вы говорите о разводе для выразительности или действительно стоите перед выбором?

— Я не знаю... Может посоветуете что-нибудь.

— Мы можем поговорить о ваших отношениях с мужем, но решение принимать придется все-таки вам самой.

Женщина заплакала:

— Он снова меня оскорблял и даже ударил. Это так обидно и унижительно....

— Можете рассказать, как это произошло?

Женщина начинает рассказывать о своей десятилетней семейной жизни, о муже, который часто выпивает. Он может ударить ее, наговорить множество обидных, унижительных слов. А у нее не хватает мужества уйти. Бойтся, что одна не сумеет «выплыть» в огромном неспокойном мире, бойтся изменений.

Нередко, чтобы противостоять насилию, не хватает элементарной поддержки, уверенности в том, что предпринимаемые шаги верны. Иногда достаточно, чтобы человека выслушали. Для начала решительных действий, жертве любого насилия часто не хватает знаний, элементарной информации о том, как нужно действовать.

Таким людям мы всегда готовы помочь. Именно потому в службе «телефон доверия» — 34-04-72 — при Центре психолого-педагогической помощи семье и детям была открыта горячая линия «Нет жестокости и насилию».

Сегодня телефон не умолкает буквально ни на минуту. А это означает: нуждающихся в поддержке в нашем городе — сотни. Звонят женщины и мужчины, подростки и люди пожилого возраста. В течение месяца психологами-консультантами было принято 175 обращений. Большинство из них связаны с конкретными ситуациями, когда люди стали жертвами физического, эмоционального, морально-психологического насилия в семье, на работе, в компании друзей.

Во время работы горячей линии поступали звонки и от людей пожилого возраста — 26 из 143. Было множество звонков от подростков — более трети от общего числа. Это и понятно: на них обрушивается гораздо больше эмоционального и морально-психологического насилия не только в семье, но и в компании сверстников. Но, в отличие от взрослых, юным гораздо труднее рассказать о своих проблемах маме, другу, знакомому, взрослому. Консультанты нашего центра стремятся научить их найти в себе смелость и силы, чтобы раскрыться, поделиться переживаниями.

И все-таки больше всего обращений — 84, как мы и предполагали, было от женщин. Многим из них — так уж устроила природа — необходимо жить ради кого-то, для кого-то, во имя кого-то. Мать, жена, хозяйка, подруга — она готова позаботиться обо всех, напрочь забыть о себе. Постепенно окружающие — муж, дети, даже друзья и подруги, привыкают к этой жертвенности. Они забывают, что у мамы или жены есть свои интересы, которые нужно уважать, с которыми надо считаться.

А что же сами женщины? Большинство из них по складу характера консервативны. Им трудно, а главное страшно начинать что-то новое. Из-за боязни изменений они готовы терпеть унижения, оскорбления и даже побои. И попавшей в такой переплет важно уяснить для себя главное: если вас что-то не устраивает, вы хотите что-то поменять, то начинать нужно всегда с себя. Не стоит пытаться изменить детей, мужа, коллег. Сделать это подчас невозможно. Гораздо важнее изменить их отношение к вам.

...Но вернемся к звонку, описанному выше. Наша абонентка боялась «переписать набело» свою семейную жизнь, но для нее было открытием, что изменение нужно начать с себя. В поисках себя самой ей пришлось пройти нелегкий путь. Сейчас она счастлива, но уже в другом браке....

Ольга ПОСАДСКИХ, психолог.